

КНИГА ИОВА КАК АРХЕТЕКСТ ТРАГЕДИИ У. ШЕКСПИРА «КОРОЛЬ ЛИР»

Я. А. Федорович

*студент (Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь)
yanafedorovich01@gmail.com*

Библейские тексты и тот религиозно-философский и нравственно-этический код, который они в себе несут, прочно вписались в мировую культуру. В данной статье рассматривается влияние Библии на творчество английского драматурга У. Шекспира. Книга Иова, как и «Король Лир», поднимают тему отношений человека и высшего начала, Человека и Бога. Выявив архетекстуальную функцию Книги Иова в трагедии «Король Лир», можно сделать вывод о значимости библейских мотивов и аллегорий для поэтики У. Шекспира.

Ключевые слова: Библия; библейские аллюзии; «осевой» архетекст; Книга Иова; проблема теодицеи; У. Шекспир; трагедия «Король Лир».

THE BOOK OF JOB AS THE ARCHETEXT OF W. SHAKESPEARE'S TRAGEDY «KING LEAR»

Y. A. Fedorovich

*student (Belarusian State University, Minsk, Belarus)
yanafedorovich01@gmail.com*

The Biblical texts and the religious, philosophical, moral and ethical code that they carry have firmly integrated into world culture. In this paper, we consider the influence of the Bible on the work of the English playwright W. Shakespeare. The Book of Job, like «King Lear», raises the topic of the relationship between man and the supreme principle, Man and God. Having identified the archetextual function of the Book of Job in the tragedy «King Lear», we can conclude about the importance of biblical motifs and allegories for the poetics of W. Shakespeare.

Keywords: Bible; biblical allusions; “axial” archetext; The Book of Job; “the problem of theodicy; W. Shakespeare; tragedy «King Lear».

Библия со времен своей окончательной записи (I–II вв. до н. э.) и по сей день остается неиссякаемым источником вдохновения для мировой литературы. Правомочно говорить о Библии как о некоем сверхтексте, или, по мнению белорусской исследовательницы Г. В. Синило, «осевом» архетексте (от греч. *arche* «начало»), имеющем повышенную аксиологическую и художественную значимость, высокую степень референтности и реинтерпретируемости, выполняющем функции смыслополагания и текстопорождения для культуры обширного иудейско-христианского ареала (см. подробнее: [1]).

Так, живя в христианском мире и ощущая влияние Библии, «бард Эйвона», драматург переломной эпохи – У. Шекспир – не мог не обращаться к библейским образам и аллюзиям при сощдании своих знаменитых произведений. Шекспир не писал пьес на библейские сюжеты, среди его персонажей нет ни Христа, ни Сатаны, но все же его произведения так или иначе обращены к библейской традиции. Российский исследователь А. Н. Горбунов утверждает, что произведения Шекспира есть *«аллегорическое воплощение христианской доктрины»* [2, с. 94]. Чтобы постичь всю глубину шекспировских произведений, необходимо сравнивать отдельные шекспировские произведения с библейскими текстами. В рамках данной работы таким образом будет анализироваться Книга Иова и «Король Лир».

Как в библейской книге, так и в знаменитейшей шекспировской трагедии звучит один и тот же извечный вопрос существования несправедливости, страданий безвинных при, казалось бы, Всемогущем и Всевидящем Боге – проблема, находящаяся на стыке богословия и философии, проблема теодицеи. Термин, который образован от двух греческих слов – *theōs* («бог») и *dike* («справедливость»), был введен в религиозную философию немецким философом и ученым Г. В. Лейбницем в начале XVIII в. и касался вопроса о происхождении зла, справедливости Всеблагостного и Всемогущего Бога перед лицом очевидного существования в мире несправедливости, страданий и зла в самых ужасных его проявлениях.

Библейская Книга Иова повествует о страдающем праведнике, веру которого Бог решил испытать. Тяжкий опыт душевного одиночества, ощущение потерянности и богооставленности не покидают Иова, но через страдания он получает возможность нового взгляда на мир и полного приятия Божественного Промысла.

В книге разворачивается драматичный диалог: спор Иова и его друзей, вращающийся не вокруг какого-то чуждого и далекого предмета — речь идет о судьбе самого Иова. Друзья-мудрецы пытаются доказать Иову, что он виновен, ибо человек несовершенен по определению: *«Вот, луна и та несветла, и звезды нечисты в Его очах; / тем более муж – червь, и сын человеческий – моль!»* (Иов 25:5–6; здесь и далее перевод С. Аверинцева) [3, с. 350]. Иов не может оспорить это утверждение, во многом именно потому, что сам в какой-то степени согласен с ним. Однако, как отмечает А. Мацейна, *«экзистенциально он его к себе не применяет, ибо не находит вины в себе»* [4, с. 116].

После последней речи Иова раздается голос Элигу (Илиуя), сына Барак-Эля. Элигу, не оспаривая слова мудрецов, все же выражает другое, отличное от принятого мнение, речи его преисполнены особой тонкостью понимания Божественной справедливости. Он утверждает, что человек может быть неправ перед Богом не отдельным своим преступлением, но в силу той общей испорченности, которая присуща всякому человеку. Также в речах Елигу звучит фраза с глубоким смыслом: *«Страданием страдальца спасает Он / и в утеснении отвергает людям слух...»* (Иов 36:15) [3, с. 367]. С. С. Аверинцев поясняет это место следующим образом: *«...страдание надо рассматривать не столько как возмездие в*

юридическом смысле слова, сколько как целительное и очищающее средство, при помощи которого бог врачует тайные недуги человеческого духа и обостряет внутреннюю чуткость человека, его “слух”» [5, с. 294].

После слов Элигу наступает особо напряженный момент – из бури раздался глас Господа: *«Кто есть сей, что промысл мрачит / речами, в которых знания нет? / Препояшь свои чресла, стань, как муж, – / Я буду спрашивать, а ты отвечай!»* (Иов 38:2–3) [3, с. 371]. В своих речах Бог задает ряд вопросов, которыми Он выражает таинственность и непостижимость вопросов экзистенции и всего мироздания, а также подчеркивает свое всемогущество. Ответ на эти, можно сказать, риторические вопросы для человека весьма короткий – не могу, не знаю. Человек не творец бытия, именно поэтому он не может постичь его тайны, не может вместить их в свое сознание. Человек переживает бытие через призму собственной экзистенции, она есть прямое его проявление в человеке. Человек ограничен своим собственным сознанием – он не Создатель, не держатель бытия, а следовательно, человек не может дать ответа ни на один вопрос, касающийся человеческого бытия или миропорядка.

Именно после ответа «из бури», после череды вопросов, на которые можно было ответить лишь отрицательно, Иов понимает, что его прометеевский бунт не удался: *«Вот, я ничтожен: что отвечу Тебе? / Руку мою кладу на уста мои! / Однажды говорил я – не возражу вновь; / даже и дважды – не буду впредь!»* (Иов 39:34–35) [3, с. 372]. Раскаяние Иова окончательно ставит точку в вопросе его экзистенции, в вопросе несправедливости Бога по отношению к «человеку непорочному, справедливому, богобоязненному и удаляющемуся от зла». Иов надеялся восстановить свое бытие, оправдать себя перед Богом, споря с Ним, но это невозможно, ведь для того, чтобы получить от Бога ответ, необходимо осознать, что *«любое человеческое бытие все равно несомо Богом и его Провидением»* [4, с. 135]. Только после слов *«руку мою кладу на уста мои»* (Иов 39:34) [3, с. 372], после принятия своего пошатнувшегося и умаленного бытия Иов получает ответ Господа. Бог молчит, когда человек говорит – *«Бог отвечает только тогда, когда человек зажимает свой рот, когда отказывается от своих речей и сожалеет о них»* [4, с. 143]. Но, как пишет Г. В. Синило, *«вряд ли возможно понимать историю Иова как моралистическую притчу о пользе терпения и смирения, а тем более о смирении из страха перед Богом»* [6 с. 369]. Опыт Иова – это поиск потерянных духовных начал в самом человеке, найдя которые можно снова вернуться к Богу. Страдания заставили Иова по-другому взглянуть на жизнь, действительность.

Шекспировского «Короля Лира» часто сравнивают, точнее сопоставляют с Книгой Иова. Звучащая в библейском тексте проблема теодицеи находит свое выражение в шекспировской трагедии, внутренняя связь этих двух знаковых философских текстов при тщательном рассмотрении становится более очевидной.

Образ Лира развивается на протяжении всей трагедии. Изначально Лир глух к голосу правды, ему чуждо сострадание, он не видит действительность такой, какая она есть, – он добровольно играет в «театре глупом» и этим довольствуется-

ся. Но, увидев действительность без прикрас, без льстивых речей, герой, как и Иов, через душевное страдание движется к мудрости. Мотив безумия как противоположности мудрости отсутствует в библейской Книге Иова. Но именно этот контраст от безумия к мудрости будет проходить красной нитью через всю пьесу. Безумство и излишняя уверенность Лира толкают его на раздел царства между двумя дочерьми, отречение от Корделии и изгнание Кента. Эти ошибки повлекут за собой череду трагических событий, приведут к «пытке жизни», о которой говорил Кент.

Ставя под сомнение весь свой жизненный опыт, Лир задает сам себе вопросы, ответы на которые он найдет намного позже, в конце трагедии:

*Кому-нибудь знаком я? Я — не Лир.
Так ходит Лир? Так говорит? Что ж, слеп я?
Размяк рассудок, и соображенье
Заснуло? Как, не сплю? Не то, не то...
Кто может рассказать мне, кем я стал?
(Пер. [7, с. 264])*

Лир, рассыпая проклятья, призывая гром плюнуть шар земной, разбить природы форму, разбросать семя, плодящее неблагодарных, бунтует против правды, он не хочет принимать ее [7, с. 314]. Но через бунт, постепенно обретая мудрость, Лир познает и себя, причем это познание неразрывно связано с окружающим миром.

Сюжетный ход обоих текстов, как и архаичность времени повествования, совпадает: герои, переживая страшные несчастья, духовно обновляются, преисполняются мудростью и человечностью. Всеми покинутый Лир, разругавшись с дочерьми, так же, как и Иов, отправляется в безлюдную степь, и только верные Кент и шут следуют за ним. Именно там, где «*природа человека не трепетать не может*» [7, с. 315], происходит переломный момент в душах обоих героев. Кульминацией Книги Иова можно считать раздавшийся голос «из бури» – голос Господа. В «Короле Лире» природа также бушует, насылая на седую и старую голову Лира полосы огня, завывания ветра и раскаты грома.

Явление бури в обоих произведениях оказывает одинаковое влияние на героев, но все-таки символическое наполнение у образов бури разное. Если библейский смысл бури заключается в традиционном выражении устрашающего и таинственного Богоявления, то в «Короле Лире» гроза в степи символизирует разлад в сознании самого Лира, через «*серные и быстрые огни*», потоки дождя, стремящиеся залить колокольни и флюгарки, во вселенную вырывается душевная буря из сознания короля. Как уже говорилось, буря оказала одинаковое влияние и на Иова, и на Лира, но из бури к Лиру никакой голос не обращается, его взывания к языческим богам, природе остаются без ответа, но он все же становится другим, преисполняясь знания о себе и действительности.

Во время бури в некогда капризном короле-самодуре просыпается жалость и сострадание к ближним, в молитве и раскаянии рождается новый человек, думающий о бедах страждущих и притесняемых:

*Несчастные и голые создания,
Гонимые суровой непогодой,
Что впроголодь блуждаете без крова,
Как защитят дырявые лохмотья
Вас от такой вот бури? Слишком мало
О вас радел я!*
(Пер. М. Кузьмина) [7, с. 320]

Не выдержав накала страстей, трагических событий, которые заполонили жизнь Лира, он сходит с ума. Но, как справедливо подмечает Эдгар, речи Лира все же преисполнены мудрости: «*О, смесь бессмыслицы и здоровой мысли! / В безумье – разум!*» [7, с. 372].

В полубезумных репликах Лира, которые он произносит в некоем исступлении, слышатся слова Иова в пустыне. Они оба, размышляя о несправедливом устройстве мироздания, приходят к общему выводу: «*Предал Он землю во власть злых, / завесил лица судей земли; / а если не Он, кто еще?*» (Иов 9:24) [3, с. 326].

Проблема теодицеи поднимается и Шекспиром, и безымянным автором Книги Иова. Но именно здесь начинается ощущаться разница между двумя произведениями или, по словам А. Н. Горбунова, «*параллели превращаются в контрасты*» [2, с. 106]. Оба текста не дают однозначного ответа на вопрос о причине появления несправедливого зла. Давать более-менее точный и прямой ответ – прерогатива философии. Ответ в художественном тексте обычно более косвенный, но это не значит, что от этого он менее глубокий.

Опыт общения с Богом даровал Иову мудрость и само приятие Бога. Через страдания он устанавливает новые отношения с Господом. В отличие от Иова, судьба Лира более трагична. После обретения им мудрости, после познания глубин зла и любви, тяготы и страдания Лира не заканчиваются, они набирают новые обороты. В конце пьесы погибает Корделия. Лира лишают той недавно обретенной им светлой стороны жизни. В чем же смысл страдания героев? Как и библейский автор, Шекспир не дает прямого ответа на этот вопрос. Однако, понятно, что опыт Иова, опыт личного Богообщения, Лиру недоступен, ведь он так и не дождался ответа «из бури». Для героев трагедии Бог так и остался сокровенным и недоступным, ведь они живут в языческой стране, молятся и взывают к языческим богам и ничего не знают о библейском Боге.

Иова можно назвать камертоном веры – его непоколебимая уверенность в справедливость Бога вызывает восхищение. Только приняв естественный ход вещей, положенный Господом, можно снова прийти к Богу, приять Промысел Его. Но не все с покорностью принимают свою судьбу: герой шекспировской

теодицеи – король Лир – несмотря на все выпавшие на его долю невзгоды, продолжает спорить с «небесами», не получая от них ответа.

Таким образом, на примере анализа двух произведений – библейской Книги Иова и трагедии У. Шекспира «Король Лир» – можно утверждать, что Библия является важнейшим архетекстом для европейской культуры и литературы. Именно в диалоге с ней, в пересоздании и пересомыслении ее образов, мотивов, сюжетов рождаются новые и новые шедевры мировой литературы.

Библиографический список

1. Синило, Г. В. Библия как “осевой” архетекст европейской литературы (на примере немецкой лирической поэзии) / Г. В. Синило // Журнал Белорус. гос. ун-та. Филология. – 2017. – № 3. – С. 19–29.
2. Горбунов, А. Н. Шекспировская теодицея: «Книга Иова» и «Король Лир» . А. Н. Горбунов // Шекспировские чтения. – М. : Наука, 2004. – С. 94–111.
3. Аверинцев? С. С. Собрание сочинений: Переводы из Священного Писания: с древнегреч. и древнеевр. с комментариями / С. С. Аверинцев. – Киев : Дух и Літера, 2004.
4. Мацейна, А. Драма Иова / А. Мацейна. – СПб. : Алетейя, 2000.
5. Аверинцев, С. С. Древнееврейская литература / С. С. Аверинцев // История всемирной литературы : в 9 т. – М. : Наука, 1983. – С. 273–302.
6. Синило, Г. В. Библия и мировая культура / Г. В. Синило. – Минск : Вышэйшая школа, 2015. – 685 с.
7. Шекспир, У. Гамлет. Король Лир / У. Шекспир; пер. с англ. Б. Л. Пастернака, М. А. Кузьмина. – М. : АСТ, 2021. – 415 с.